

Г. ГОРЬКИЙ И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

Мнѣ очень скучно и даже мрачно. Позвольте мнѣ объявить объ этомъ публикѣ при посредствѣ вышей почтенной газеты и вотъ по какому случаю.

Въ Художественномъ театрѣ въ Москвѣ безеетристъ г. Горькій выѣстъ съ другимъ безеетристомъ г. Чеховымъ разгулывали въ фойе, а публика на нихъ смотрѣла. Г. Горькій вдругъ сказалъ публикѣ небольшую рѣчь на тему известной купеческой дочери Агафьи Тихоновны изъ «Женитьбы» Гоголя: «Пошли вонъ, дураки». Мнѣ такъ скучно и мрачно, что я горько понимаю г. Горького.

Онъ сказалъ свою рѣчь или, какъ выражаются московскія дамы, «слово» съ большимъ анлобонъ, чѣмъ Агафья Тихоновна. Она сомнѣвалась въ своемъ прѣстѣ сказать: «Пошли вонъ, дураки», какъ совѣтовала ей Кочкаревъ. Она говорила: «Да вѣдь выйдетъ какъ-то бранно... они вѣдь разсердятся». — Кочкаревъ возражалъ: «Какая же бѣда, если разсердится? Если бы отъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все». Агафья Тихоновна послѣдовала совѣту виоловину, сказала только: «Пошли вонъ!», и, испугавшись Яичницы, закричала: «Ухъ, прибѣеъ, прибѣеъ!» Г. Горькій былъ рѣшительнѣе ея и, сказавъ свое «слово» — пошелъ вонъ дураки! — не кричалъ: «Ухъ, прибѣеъ, прибѣеъ!» Онъ знаетъ свою пуб-

лику и не ошибся: она ему аплодировала и «пошла вонъ...»

Газеты, передавая это происшествіе, припили въ восторгъ отъ подвига г. Горького и сообщали ему, что этотъ подвигъ «будетъ записанъ въ исторію русской литературы». И я думаю, что это весьма возможно даже въ томъ случаѣ, если эту исторію русской литературы будетъ писать и не знаменитая г-жа Простакова, какъ извѣстно, любимая «истори», а ея пріямые потомки во духу и крови...

Почему я такъ думаю? Потому что мы стали страшно мелочны и въ мужскихъ кофара слышимъ чуть не громъ небесный. Мелочность жизни и ея явленій одинокъ недоѣдаетъ, раздражаетъ и огорчаетъ, другіе, напротивъ, преувеличиваютъ важность жизни, событія, таланты, стараются обмануть себя иллюзіями словъ и поступковъ. Въ обществахъ, гдѣ «большой шлемъ» безъ труда составляетъ нѣкоторое событіе, это весьма естественно. Я сравниваю Агафью Тихоновну Гоголя съ г. Горькимъ не потому, чтобъ хотѣлъ сказать неприятность г. Горькому, — храни меня Богъ отъ такого намѣренія, — а потому, что Агафья Тихоновна, очевидно, бессмертна и часть своей души передала г. Горькому. Гоголь такъ превосходно читалъ въ головѣ и сердцѣ русскаго человѣка, а русскій человѣкъ такъ превосходно сохранился въ укусѣ своей непосредственности, что «слово» г. Горького и «слово» Агафьи Тихоновны составляютъ вѣчно нераздѣльное, чисто русское, народное и вѣроятно превосходное.

Ура!

Т. А.